

Во многих работах последнего времени отмечалось, что в первом издании «Слова о полку Игореве», как показывают вновь найденные языковые, исторические, археологические данные, а также уточненные обстоятельства истории первого издания, был довольно точно воспроизведен текст рукописи «Слова». Но нельзя не согласиться и с теми исследователями, которые отмечают наличие позднейших наслоений в тексте «Слова» по первому изданию. Л. П. Якубинский, сопоставляя соответствующий отрывок из «Слова» с текстом известной приписки к Апостолу 1307 г., приходит к заключению, что «текст записи (Апостола 1307 г., — Л. Д.) дает несколько более архаичные формы, чем текст „Слова“». ¹⁷ Это обстоятельство на первый взгляд, казалось бы, может дать ценный материал для тех, кто пытается поставить под сомнение подлинность памятника, опровергнуть время создания его в XII в. Однако не меньше оснований видеть в этом одно из подтверждений подлинности «Слова», одно из доказательств раннего времени его создания. По тем сведениям о погибшей рукописи «Слова», которые дошли до нас, она датируется обычно концом XV—началом XVI в. и при переписке или нескольких переписках в этой рукописи не могли не появиться какие-то подновления языка. Л. П. Якубинский, говоря о более архаичном в грамматическом отношении виде записи в Апостоле 1307 г. по сравнению со «Словом», сразу же объясняет это обстоятельство: «...это и понятно — автор записи располагал списком „Слова“ конца XIII—начала XIV в.: он писал в 1307 г., а список „Слова“ XV—XVI вв. подвергся в отношении языка некоторому подновлению». ¹⁸ По смыслу же и содержанию эта приписка по сравнению с текстом «Слова» является явно вторичной, что подробно рассмотрено Д. С. Лихачевым. ¹⁹ Таким образом, то, что запись на Апостоле 1307 г. со стороны орфографии и лексики выглядит старше соответствующего отрывка «Слова», отнюдь не является доказательством первичности записи и вторичности «Слова»: помимо лингвистических категорий, необходимо принимать во внимание и весь контекст, окружающий эти отрывки, их смысловое и логическое содержание. И при учете всех этих обстоятельств, казалось бы, парадоксальное положение — вторичный текст выглядит архаичнее первичного — не только не должно вызывать недоумения, а может расцениваться как лишнее свидетельство о времени создания текста и о датировке того списка, по которому этот текст издавался первыми издателями. Помимо сопоставлений с записью на Апостоле 1307 г., Л. П. Якубинский приводит ряд случаев, когда церковнославянские формы отдельных слов в «Слове о полку Игореве» в параллельных соответствующих чтениях «Задонщины» имеют более чистые древнерусские формы. И это подтверждает лишь предположение Л. П. Якубинского, что видоизмене-

ного содержания, жанра, каждый переводчик „Слова“ вынужден сам предпринимать розыски лексических и фразеологических параллелей, выяснять значение того или иного слова и т. д. В результате — неизбежная неполнота привлекаемых материалов и обидный отпечаток дилетантизма на работах по „Слову“. Исследователи без конца повторяют друг друга и в конце концов вынуждены пользоваться случайными материалами, которые они не без труда обнаруживают» (стр. 424); см. также: Л. А. Дмитриев. Обсуждение проекта «Словаря-комментария Слова о полку Игореве». — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, № 4, 1961, стр. 159—163; М. А. Салмина. Обсуждение проекта «Словаря-комментария Слова о полку Игореве». — ТФДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 594—595.

¹⁷ Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2. М.—Л., 1948 (далее: Л. П. Якубинский и др.), стр. 73.

¹⁸ Там же, стр. 73—74.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: Слово — памятник XII века, стр. 25—26.